

САРГАССОВО МОРЕ

Саргассово море – тупик акваторий.
Саргассово море – матросское горе.

Глубины его отнимают отвагу –
Пора отдыхать эхолоту и лагу...

Здесь Левиафан из пучины вздымался,
Жгутами и кольцами бил-извивался!..

Обитель угрей, ламинарий тенета,
Предерзкой душе не хватает полета!

И нет берегов, и не слышно прибоя,
Плавучих саргассов скопление живое.

Приют кораблей, потерявших ветрила –
Кого сюда роком судьба ни носила!

Оно у пиратов давно не в фаворе –
Саргассово море, что шапка на воре...

То – штилем, то затхлостью изнемогая,
Охвачено зыбью от края до края.

И молят о бреге и твердой опоре –
В Саргассовом море, в загадочном море!

АРХЕОПТЕРИКС

Где папоротник спит древообразный,
И собирает в кронах звездный вереск,
Взмахнув крылами, угловатой массой –
Натужно в небо взмыл археоптерикс.

Над хлябью топей и стволов-мутантов,
Растущих здесь, и гибнущих в болоте,
Прообраз чудо лайнеров-гигантов
Пронзил туман в медлительном полете.
Неведом курс таинственный, окольный,
Движения замедленны и грубы:
Пощелкивая клювом треугольным –
Грозят всему ощеренные зубы!

С трудом его размахивают крылья,
Сырые испаренья беспокоя...
Пройдут тысячелетия и былью –
Его найдут, (сенсация!) отроют.

Над молодой планетой звездный вереск.
Взошла луна, и катится куда-то...
Кто видел, как парит археоптерикс –
Летательного предок аппарата?!

С ЛЕБЕДИНОЮ СТАТЬЮ...

С лебединою статью, кудрявый,
Мелодично чеканящий слог,

Буревою овеянный славой –
Александр Александрович Блок.

“Незнакомка”, мосты над Невой,
“Скифы”, лебеди, стрелы
и мгла...

Старец-нищий
со слезной мольбою,
Хор церковный, да всплески
весла.

Пляс цыганки, фонарь и аптека.
Эпохальная бездна минут...
За окном, за порханием снега –
Блок внезапно увидел: – Идут!

За святое приходится драться.
Все бывшее и затхлое – прочь!
Колыхая штыками,
“Двенадцать”,
Шаг державный печатают
в ночь.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МАШКАРЫ

Если б его я, не знал!
В центре, под оком милиции,
Был человек... И пропал,
Без вести канул в столице.
Где он исчез? Неужель,
В поле, в лесу или в овраге?..
“Был обнаружен портфель,
И в беспорядке, бумаги”...

Деньги, зарплата, загул?
Дома жена ожидала...
Частника ль где тормознул
С парюю дюжих амбалов?

Горестно горбились спины,
Плакало влагой окно.
– Прорва! – промолвил
Устинов,
Сгнуть тут немудрено.

И – кулачищем об стол!..
Горе читалось на лицах.
Так не дождался Оскол
Старый поэт-любимца.

ИЗ МОКРОЙ, СЛЯКОТНОЙ...

Из мокрой, слякотной Москвы
Возник поэт, дрожа похмельно,
И нимб сиял вокруг головы,
И молвил он: – Я шел на Вы,-
На круг, по рваному, артельно?

Пока гонец слетает, я
Читаю вещь, что накануне
Присочинил... Нет ни копья...
Он был похож на муравья –
Порывом легким ветер сдует.

– По всем издательствам
облом:
Авансом раздают... авансы.
Корпел неделю над столом,
И накропал на целый том –
По жанру – лирика и стансы.

Гонец пропал, во тьме исчез –
Не суждено было дожждаться.
Поэт на табуретку влез,
Читал, что по дрова, что в лес,
И грустно было нам,
признаться...

СУДЬБА – СУДЬБИНУШКА

Дума, что ли, предзакатная,
Или ветер что нанес?..
Чья душа, на счастье жадная,
Растревожилась до слез?

Холодела, да не выстыла!
Сберегалась, как могла...
Три удела горьких вызнала,
Да надежду сберегла.

Шла по жизни она, маючись.
Прислонились – не ожглись?
Не как прочие, играючись,
Изнутри жирком взялись.

Опахнула взором праведным –
Убоялись, огонька...
Этих участи не завидно
До остатнего денька!

Ей любовь – так вся Вселенная,
Без остатка, целиком!
И по ней гроза военная
Прогремела колесом.

Было многое обещано...
Только жегся кипятком!
А душа... Она ведь женщина.
Нету скидки ей на то...

Прямота её что просека.
Да шатнулся мил-дружок...
С недостроенного мостика
Не ступить на бережок.

Были, были в ней и радости!
Заручаюсь как в себе...

В неприкаянной, до святости
Не согнувшейся судьбе.

Песня выдалась нескладная,
Только что в ней не всерьез?
Дума, что ли, предзакатная,
Или ветер что, нанес?..

НАЗОВИ, ЛУНУ...

Лунным бреднем цедится округа,
В частой сети тень, иль силуэт?..
Спит в могиле вечным сном
подруга,
В глубине окоченевших лет.

Высыпала звездная отава –
Вечности бесстрастные глаза.
Ей метели вышивали саван,
Отпевали птичьи голоса...

Месяц водит лошадь на аркане
В тишине затерянных лугов...
Не заспал, не утопил в стакане
Я утрату, средь друзей-врагов.

Назови, луну хоть коркой дынной,
Я приму с улыбкой на устах...
Оттого и горечью полынной –
Каждый вздох мой на земле
пропах.

Спит табун, стреножен,
обезножен,
Но рассвета близок, близок шум:
Ухожу за дальние остожья,
Бечевою неотвязных дум.

ТУЧИ

Туч изваянья неподвижны,
И холодны, что путь во льдах,
Бесстрастны как скрижали
Кришны.
Как снег, белеющий в горах.

Какой они покорны власти,
Гнетет навязчивая хмурь...
Они ль, следы застывшей
страсти,
Они ль – пристанища всех бурь?

Все в них: покорность и угроза...
И мнится тайное родство
В котором нарочита поза –
Застывшей мысли тождество.

СОНАТА ЗАСНЕЖЕННЫХ ДРЕВ...

...Так девушка, вспыхнув,
зардев –
шись, кивнет вам, при встрече.
И чудный прольется напев,
Сонатой заснеженных древ,
И снегом воркует пусть, вечер!

ДАУРИЯ

**(По мотивам романа
К. Седых)**

Всадник вымахнул на бугор,
И лошадка под ним кауряя...
Бросил долгий орлиный взор:
Сопки, пади – кругом Даурия!

Забайкалье – родимый край!
Белопенна, быстра Аргунь –
Разнотравья цветочный май,
Водопадов шумливый гул.
Неприметен пока, партизан,
Но лихой он казак, не на шутку...
Любит крепко Улыбин Роман
Чувством первым казачку Дашутку.

Он проскачет дорогами странствий,
С перевала спустившись вниз...
Закалившись в огне гражданской –
Будет строить новую жизнь.

А пока еще все впереди –
Плен, зимовье, и гибель отца...
Много бед и невзгод, в пути
Отразятся в чертах лица.

Вьется чуб над лихой головой,
Ромка помнит ту грозную сечу:
Он под сопкой Тавын-Тологой,
Конной лаве шагнет навстречу.

...Жизнь своим чередом идет,
Гроз минувших стирая след:
Солнце утреннее встает –
Края Отчего дарит свет.

КАЖДЫЙ ПОРОГ НА РУСИ...

Не выбирают ни места, ни Родины,
Где ты родился – навеки твой дом.
Жизнь не шоссе, а порою
колдобины...
Спрыгнул с подножки, и топай
пешком!

Росы роняя,
лесными тропинками
Гжели навстречу бежит
Хохлома...
В избах со стен, пожелтевшими
снимками
Смотрит с надеждой Россия
сама.

Мгла накатила... Дождит,
окаянствует.
Солнечный луч не пробьет с
высоты...
Но, и за дальними далями
странствуя,
В сердце своем к ней наводишь
мосты.
Скирды в полях, что былинные
витязи.
Рощи зажглись угольками калин.
Не истребить из души и не
вытеснить –
Долгую грусть наших русских
равнин.

Пашни, холмы, изумрудные
озими.
Ока озерного хвойная рать...
Нам своего родовитого – в
достали,
И не заемного – не занимать!

Каждый порог на Руси –
ожидание.
В каждом колодце – живая
вода...
К Пушкинским строкам души
прикасание.
...Так троекратно целуют в уста.

МОСТ

Разбиты бурунные орды,
Держаться – задача проста!
Щитами сомкнутой когорты –
Скрепленные звенья моста.

Понтоны – искристые звоны!
Отваги предрезостный клич...
Расшибились стремнины-тевтоны
О мускулы гулкие днищ!

Баталией тешится небо,
За бакен мигнувший всмотрись:
Уносит течение слепо
Кровавую накипь зари.

Вот блик, полоснувший как бритва,
Шипя, погасила река...
Кипит несмолкаемо битва,
На чаше весов – берега.

ПРОЕКТОР “УКРАИНА”

Большая крутится bobина,
Собрался весь бригадный стан:
Трещит проектор “Украина”,
На простынь целясь, на экран.

Вокруг поля и нету сцены –
Далекий отдалился гром...
Идет “Фашизм обыкновенный”,
А режиссер (по титрам) Ромм.

Спит человеческая совесть,
Европа корчится в огне...
Бесчеловечная жестокость
Ползет гадюкой по стерне.

Глядели хмуро и угрюмо,
И гневом наполнились сердца!
И кто бы мог тогда подумать,
Что не добит он, до конца...

КОЧЕРГИН

Кочергин купил селедку,
Пару луковиц и хлеб,
И вихлястою походкой
Поспешил домой, нелеп.

Ту “алюторку”, почистив,
Потроха отдал коту.
Мявкнул кот: “Не буду істи,
А сметанки – украду”...

...Табурет задел ногою,
Растянулся – перемать!
И плашмя за кочергою
Потянулся... Кот – тикать!

Обуян, и жаждой ведом –
Чув, захована одна,
Паутину за буфетом
Потревожил: – Е, рідна!

Потягнул зубами тычку,
И к ноздрям: – Из буряків,
Шо огонь – нэ трэба, спичку –
Сам курил, нэма дурнів!

В темный рот селедку прячет,
Заливаючи беду,
Самочинно, горько плачет
По удравшему коту...

СНЕЖНЫЕ ГОРКИ

Продуто ветрами пространство,
Поземки пропали вдали...
Легло снеговое убранство
На грудь неостывшей земли.

Покров еще тонок, непрочен,
Снега еще вьюгам месить...
– Как зимица, птицы?..
Стрекоcut.
Бескормицу ждете? – Чью,
Вить?..

Пройдоха – мороз не отстанет.
В кустарнике иней искрит.
Телега в отставке, а саням –
Окатыш полозья вострит.

Подобьем старинной шкатулки
Ручей не замерзший поет,
Где горюшек белые булки
Кромсает веселый народ.

Скользят еще санки неважно –
Ребята летят кувырком...
И смехом заходится каждый
Заснеженный радостный ком!

И зависть пробьет до печенки:
Нас, детство, опять позови!
И вытру я слезы девчонке –
На пальчики дует свои...

ШАЛЬНОЙ

Стерли тени, скомкали,
Все, в чем свет сквозил:

Ветер губы тонкие
Больно прикусил.

В озерке поморщился –
Дунул, с высоты...
Ежиком встопорщился,
Убежал в кусты.

Звездные царапины
Тронул – боли нет...
Жабы из ухабины
Прыгнули в кювет.

Зоренька вишневая
Медленно стекла.
Дымка бирюзовая
Стаяла, сошла.

Взмыла, птица, каркая –
Ночь в размахе крыл...
Камышами шаркая,
На берег ступил.

Изогнулся, вскинулся,
Да на край села!
И один, откликнулся –
Филин из дупла.

НА ПОКОСЕ

Обжигает пятки травостоя
Немолчное вжиканье косы.
Пахнет сено свежестью
грибную,
Беспечальной
волглостью росы.

Зноем дышит марево опушки.
Квас и отдых ждут у шалаша...

Прыгают разлаписто лягушки,
Врассыпную, дождик ворожа.

Веселее пой коса-миляга,
Выводи уверенней рядок!
Костяники брызнувшая мякоть –
Кисловатый, животворный сок.

Отбивают косы, отбивают,
Озирая небо, косари:
Звонкие и чистые вплетают
Звуки стали в нотный стан зари.

ХЛЕБОЗАРЫ

Поют цикады... Хлебозары
Встают
во весь громадный рост:
Их вспышки достигают звезд –
Внимают чутко им Пульсары.

Мне ближе все, что на Земле...
Там – мирозданье хороводит.
В прохладной августовской мгле
Душа созвучьями исходит.

ГИТАРА ХУЛИГАНА

(Из раннего)

Пой гитара, пронзай аккордами
Захолустье родной глуши!
В небе месяц – свиною мордою
Угли звездные ворошит.
Искрометная, глупая, нежная,
Не пугайся ничьих угроз! –
Ведь любовь не вернется прежняя,
Как с цепи не сорвется пес.

Пыль цветочная милой юности!
О былом погрустневший хлам...

Проливайтесь в белесой лунности
Под утробный собачий гам.

Осень, осень! Старуха скверная!
Не колдуй по росе полян...
Отлюбило уж, сердце верное –
Под гитару поет хулиган.

СМЕНИЛ... КАМЗОЛ

Убийца – щеголь и повеса,
Сменил всего-то лишь камзол –
Ведь царь разжаловал Дантеса,
До рядового – снизошел...

ВЫЗОВ

Вышел в долину – копьем потрясая,
Выйти на бой супротив, призывая...
Небо молчало, и горы окрест –
Видя заносчивый пагубный жест.

Столько в нем силы тогда
накопилось,
Бросил копье – просвистев, оно
взвилось,
Небо прошло... В космической
стыни
Стало земным сателлитом
отныне...

КУМ КОРОЛЮ

Кум королю и сват,
Горжусь бесценным кладом:
Сегодня я богат –
Роскошным снегопадом!

Делюсь с тобой – бери!
И, пусть сочтут увечным,
Тепло души дари
Всем встречным – поперечным,
Как этот дивный снег...

ВАВИЛОН

Содрогая Вавилон
Поперечный и продольный –
Беды рвутся напролом,
Радость – тропкою окольной...

ШАТУН И ЗАЯЦ

Шатуну – до зимней спячки,
Что пивяке до болячки!
“Зайцу” выскочить пора,
Но в авто – кондуктора...

ГЛАВНОЕ...

Громко раздаются голоса,
Вызывая одобренье, живость:
Главное – в наличье колбаса,
А потом придет и
Справедливость.

Э-ЭХ, МА!..

“Окрас демаскирует птицу”, –
Подумав, агитпроп изрек...
В жовто-блакитную синицу
Э-эх, ма! – влюбился снегирек.

КАРА

Отвечать перед Создателем
Наступает свой черед:

Виснет кара над карателем,
И, в конце концов, найдет.

ЗНАЛ, ГОСПОДЬ...

Знал, Господь лишь
всемогущий,
Дав одну мне из дорог:
На земле, по ней идущий –
Я безмолвствовать не мог

ВЕРБЫ – ИСХУДАЛЫЕ ДЕВЧОНКИ...

Выдалась желанная дорога,
Не беда, что ночи холодны! –
К ветреницам Каменного лога
Из моей семнадцатой весны.

К бору, затерявшемуся в дымке,
Что опушкой каждую знаком,
Приказавшей долго жить
заимке,
Молодым поросшей сосняком...

Не беда, что мелко сеет крупка,
И коробит залежалый наст...
К редкоцветам, желтым
стародубкам,
В таловодье я спешить горазд.

Цыпками покрытые ручонки
Не расцепят – за версту
признал:
Вербы – исхудалые девчонки –
Выбежали на крутой увал...

И С ПОЛУНДРОЮ – ПОШЛИ!..

Батальон – осталось двести.
Снег присыпал ковыли...
Встали – черен траур мести,
И с “полундрюю” – пошли!..

Залатать собой прорехи,
В самом пекле не горя:
Забубенные морпехи
Золотые якоря!

КОНЬ НЕПОКОРНЫЙ

...Заахал, зашумел народ,
Припали к окнам экипажи:
Срезая круто поворот,
Среди авто, мчал сын лошажий.

Испуг от города в глазах
Его отчаянно метался,
Но, разметая страх свой в прах,
Струной натянутой держался.

Красавец – грация и стать!
Перемахнувший будто пропасть.
Ему б призы на скачках брать,
А он людей познал жестокость.

Он вырвался из волчьих ям,
Хозяин, вой в бессильной злобе...
И колотились по бокам –
Остатки жалкие оглобель.

И с окровавленных удил,
Все добавлял на рыси ходу...
Воочию миру предъявил
Вновь обретенную Свободу!